

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

А. Ю. Котылев

Этнокультурная идентификация коми интеллектуала XIX века. Жизнь и творчество Г.С. Лыткина

УДК 008:94(470)

Георгий Степанович Лыткин первым из представителей коми народа стал учёным общероссийского уровня. При этом он сохранил верность родной культуре. Главной его задачей стало возвращение коми культуре её первоосновы: наследия христианского просветителя XIV в. Стефана Пермского. Г.С. Лыткин создал уникальный двуязычный труд, который являлся одновременно монографией, учебником и словарём.

Ключевые слова: интеллектуальная культура коми, традиции просвещения, христианизация, перевод, двуязычный текст.

A. Kotylev. Ethno-cultural identification of Komi intellectual XIX century. Life and Works of G.S. Lytkina

George S. Lytkin was the first representatives of the Komi people that become scientists of Russian level. However, he remained faithfulness to his native culture. His main task was the return of the Komi culture of its primordial: Heritage Christian educator of XIV century of Stephen Perms. Lytkin created a unique bilingual work that is both monograph, textbook and a dictionary.

Keywords: intellectual culture Komi, tradition of Enlightenment, Christianization, translation, bilingual text.

Во второй половине XIX столетия начинается «культурное пробуждение» коми народа, выразившееся в появлении ряда «выходцев» – творческих людей, сумевших получить высшее, столичное образование и войти в состав российской (а затем и международной) интеллектуальной элиты. Между этими людьми (Г.С. Лыткин, К.Ф. Жаков, В.П. Налимов, П.А. Сорокин) прослеживается некоторая преемственность, объясняющаяся не только связями внутри землячества, но и особым отношением к народу коми. Представляется, что осмысление судеб своего народа, попытки предвидеть его будущее и предсказать возможные пути его развития отчасти предопределили идейную близость этих мыслителей, в сущности, очень разных по своим взглядам и научным концепциям. В этой связи интересно рассмотреть творческий путь основоположника данной традиции, проторившего дорогу из коми провинции в столицу страны, поставившего вехи, по которым затем пошли другие.

Георгий Степанович Лыткин (6 июня 1835 – 4 апреля 1907 гг.) – первый коми учёный, калмыковед, фольклорист, просветитель, поэт, один из создателей коми художественной литературы – родился в уездном городке Усть-Сысольске Вологодской губернии в купеческой семье. После смерти отца и раздела имущества семья была фактически разорена. Таким образом, своим успехам на поприщах образования и науки Лыткин был обязан не семейному состоянию, но исключительно собственным трудам и талантам. Уже это сближает его со следующими поколениями коми интеллектуалов.

В XVIII–XIX веках Усть-Сысольск становится основным культурным центром народа коми-зырян, заменяя в этом качестве бывшую столицу Пермской епархии, владычный городок Усть-Вымь, превратившийся в обычное село. Уездную элиту составляли представители чиновничества и купечества, а также учителя и священнослужители. К новому этапу формирования самосознания коми народа имели отношение прежде всего представители двух последних категорий. В Усть-Сысольске того времени доминировали три языка: церковнославянский (для богослужений), русский (для общественных, присутственных мест) и коми-зырянский (сысольский

диалект, надо полагать, преобладавший в повседневном и семейном общении).

Г.С. Лыткин указывает, что в детстве он практически не владел ни русским языком, который ему тогда представлялся языком «учителей» – преподавателей училищ, ни церковным, который был непонятной основой звучания притягательных и таинственных для ребёнка богослужений [6, с. 1, 2]. Для юного зырянина получение образования в родном городе обернулось первым социокультурным кризисом (семиотическим, в первую очередь, но также мировоззренческим): пришлось пробиваться через непонятную ему систему смыслов, изложенных на малознакомых языках. Эти воспоминания показывают, что Лыткин первым из «выходцев» Коми края начал проходить характерную цепочку жизненных кризисов, в частности, языковой [9, с. 144–162]. Одним из основных стимулов своей житворческой активности он называет как раз желание пробиться к ролям священника и учителя, для того чтобы овладеть обозначающими высший статус языками.

Образовательная иерархия, через которую прошёл Г.С. Лыткин, включала в себя две низших (собственно усть-сысольских) ступени, которые и дались представителю коми народа тяжелее всего. В Вологодской гимназии он чувствовал себя уже увереннее, найдя общие интересы даже с отдельными её преподавателями. Некоторые из них тоже были озабочены проблемой несовпадения организации образования на коми окраине губернии с официальными представлениями на этот счёт. В том же направлении развивалась мысль других представителей российской элиты, причём как светской, так и церковной. Путешественники по северу называли коми «лесным народом», отмечая его приверженность архаическим обычаям [2, с. 106-107, 341-347]. Здесь, конечно, можно увидеть влияние романтического миропредставления с его установками на обнаружение диких, изначальных культур. Отдельные представители церкви прямо обвиняли коми-зырян в язычестве, видя противоречие между качеством их храмов и приверженностью древним обычаям. Следует отметить, что в отличие и от первых, и от вторых Георгий Степанович не считал своих соплеменников ни «дикими», ни «язычниками». Вероятно, взгляд изнутри всегда отличается от

внешних, поверхностных мнений, продиктованных зачастую общекультурными стереотипами.

Финансовое видение будущего играет свою роль при выборе образования во все времена. Г.С. Лыткин при поступлении в Санкт-Петербургский университет видит себя юристом. Однако юридический факультет тогда тоже был платным. Денежные затруднения стали значимым фактором, предопределившим возврат студента к мечтам юности [21, с. 296].

Именно с этим, а не с выражением «верноподданнических настроений» следует связать один из первых стихотворных опытов Лыткина [7]. Создание своего рода оды на восшествие на престол очередного императора со времён Ломоносова было способом привлечь к себе благожелательное внимание власти. В XIX веке этот приём уже не работал, если не удавалось придать ему очевидной оригинальности. В данном случае она достигалась за счёт создания восхваления на мало кому известном языке. Как и в случае с Михайлой Ломоносовым, этическим оправданием Георгию Лыткину служит то, что старался он не ради себя, но (в данном случае) ради родной культуры, обратив на которую внимание властей предрешающих других способов почти не было. Наличие религиозных мотивов в этом стихотворении свидетельствует о направленности мышления автора (видимо, характерным для мифологии коми является взаимосвязь Солнце – Бог – Царь), а также о его неосведомленности о раннехристианской письменной традиции коми. Г.С. Лыткин стал одним из первых авторов, опубликовавшим стихотворение на коми языке (хотя большая часть написанных в студенческие годы стихотворений опубликована не была, а впоследствии забыта [19]), что делает его пионером, но не крупным поэтом. Поэтическое творчество никогда не стало для него главным делом жизни, скорее оставалось зоной опытов, в отличие от современника – выдающегося коми поэта И.А. Куратова, стихи которого были опубликованы, правда, только в XX веке. Впрочем, возможен спор о том, кто из них является «основоположником литературы» [21, с. 304], наследником советской культуры, только в рамках которой данный титул чётко встроено в официальную смысловую иерархию [10, с. 80–93].

Уже в начале обучения Г.С. Лыткина в университете обнаруживается противоречие между его жизненным устремлением и российской системой образования/науки того времени. Вероятно, именно с этим связан его перевод на новый, восточный, факультет после первого года обучения. Этот факультет был переведён в Санкт-Петербургский университет из Казани, и, по всей видимости, туда как раз набирали новых студентов (немаловажно, что им полагалась стипендия). К этому моменту Георгий Степанович должен был уже понять, что в российских вузах почти начисто отсутствует тот предмет, который его интересовал более всех других: финно-угроведение. Фактически оно было отдано на откуп финским учёным в Гельсингфорсе. Через несколько десятилетий с этой же проблемой столкнётся другой выдающийся «выходец» из коми-зырян, Каллистрат Фалалеевич Жаков [11, с. 114]. В мировоззренческом плане между Лыткиным и Жаковым имеются существенные различия, но логика их утверждения в науке во многом схожа. Второй, в отличие от первого, оставил довольно подробные мемуары, по которым можно судить если не о деталях, то о принципах происшедшего в подобной ситуации.

«Проф. Житомирский умер, который хотел сделать меня словесником и поощрял мои опыты сравнения русских сказок с восточно-финскими ... Тогда обратился я к старому лингвисту. Я ему говорил, что хочу посвятить жизнь изучению зырянского и других угро-финских языков. Он нашёл, что для этого необходимо изучить мне методы и держать экзамен по санскриту, по Ведам, по истории греческого языка» [4, с. 253]. Если Жаков столкнулся с такой ситуацией после окончания университета, то Лыткин намного раньше. Закончив первый курс, он переводится на восточный факультет, где начинает специализироваться по калмыковедению (монголистике, алтаистике).

По окончании основного университетского курса, в рамках подготовки к занятию профессорской должности Г.С. Лыткин отправляется на «полевую практику» в калмыцкие степи. Ему почти сразу удаётся совершить серьёзные открытия. Под названием «Сказания о дербен-ойратах» он публикует в 1859–1860-х годах свой перевод рукописи летописи, принадлежащей перу калмыцкого вла-

детельного князя Батура-Урбаши-Тюменя [20]. Свою эрудицию и глубинное проникновение в историю степных народов Лыткин продемонстрировал в переводе анонимной летописи, названной им «Краткая история калмыцких ханов» [1]. Перевод был сопровождён подробным комментарием с использованием разнообразных источников. Своего рода итогом калмыковедческого периода деятельности Г.С. Лыткина стало исследование «Материалы для истории ойратов» [13], которое до сих пор считается основополагающим трудом данного научного направления. Этот период научной деятельности Г.С. Лыткина прерывается резко и радикально.

Позднесоветские учёные связывали отказ Георгия Степановича от профессорской должности и прекращение им занятий калмыковедением с его увлечением Н.Г. Чернышевским, революционной деятельностью и вступлением в организацию «Земля и воля». Действительно, имеется одно свидетельство на этот счёт, оставленное земляком Г.С. Лыткина, также выпускником Вологодской гимназии Лонгином Пантелеевым, который в самом деле был активным участником народнического движения [16, с. 195]. Пантелеев вспоминает, что Лыткин по возвращению из приволжских степей примкнул к народникам и даже приютил на своей квартире подпольную типографию. Для позднесоветской науки данный факт был своего рода индульгенцией, позволявшей очистить имя учёного от обвинений в великодержавном национализме и близости к придворным кругам, возведённых на него раннесоветскими «учёными» [17, с. 72]. Связь с народниками давала возможность причислить Георгия Степановича к «либерально-демократическому» направлению [3, с. 210]. Сам Г.С. Лыткин не отрицает, что реформы начала 1860-х годов его воодушевили, но вкладывает в свой разрыв с монголистикой и стремлением изменить жизненный путь желание связать свою жизнь не с революционным движением, а с возвращением в Усть-Сысольск и началом служения делу образования коми народа [21, с. 297–298]. В этом намерении его какое-то время поддерживали либеральные чиновники-реформаторы, но попытки получить должность в Коми крае успехом не увенчались. Г.С. Лыткин был вынужден приспособливаться к новым обстоятельствам своей жизни и в дальнейшем зарабатывал на пропитание семьи преподаванием ис-

тории и географии в гимназиях и училищах Санкт-Петербурга. На этом поприще он добился немалых успехов, но жизненное призвание по-прежнему влекло его к иным трудам.

В студенческие годы Г.С. Лыткин продолжает свои гимназические занятия, связанные с увлечением культурой коми. Опыт калмыковедения подталкивает его заняться фольклором своего народа. В то время считалось, что коми не представляют особого интереса в этом отношении, что их творчество не оригинально, но лишь копирует на своём языке русский фольклор. Георгий Степанович довольно последовательно опровергает это мнение, в том числе посредством сбора и публикаций коми фольклорных произведений. Однако и эта деятельность становится лишь дополнением к его основному увлечению.

Основные творческие труды Г.С. Лыткина были predeterminedены избранным личностным идеалом, следование которому привело не только к успехам и признанию, но и к непониманию и неприятию. Культурным образцом для него становится деятель XIV века, христианский просветитель коми народа и первый епископ Коми края Стефан Пермский. Именно основные виды деятельности крестителя Перми Вычегодской: языковедение, переводы и религиозное просвещение [12, 63–85] – становятся базовыми для Лыткина в зрелый период его жизни. Вероятно, именно религиозность помешала ему теснее сойтись с революционерами-народниками и, напротив, позволила наладить связи с некоторыми представителями российской власти.

Последовательность увлечения Г.С. Лыткиным наследием Стефана Пермского подтверждается не только его воспоминаниями, но и некоторыми личными документами. Так, в 1879 году он присылает П. И. Савваитову письмо, содержащее тексты, написанные пермской (стефановской) азбукой на коми языке.

«Не пугайтесь древнезырянского письма. Вещь невинная, единственная, которую удержала память, и то без конца. Она Вам давно известна, написана тогда, когда я, будучи студентом (1855), голодал, когда много раз Ваши вечерние чаи с закускою меня спасали ... Написана она буквами зырян – надписи на образе св. Троицы; ...» [19, л. 12].

Речь идёт о стихотворении, созданном Лыткиным в студенческие годы и восстановленном по памяти. Записав это произведение древней азбукой и сделав ею же приписку к письму, он хотел вызвать благожелательность компетентного учёного и показать свою компетентность при восстановлении прерванных на два десятилетия отношений. От Савваитова в этом случае требовалось разрешение на пользование его языковедческими трудами. Само желание овладеть древней письменностью показывает, что автор считает себя преемником Стефана (подобно писцам XV–XVI веков, которые нередко добавляли фразу пермскими буквами к основному тексту на русском) [15, с. 6–19]. Год написания письма (и вероятного возврата Г.С. Лыткина к изучению стефановского наследия) тоже не случаен. Он совпадает с 500-летним юбилеем начала миссии Стефана в Перми. Через несколько лет Г.С. Лыткин издаст статью с характерным названием «Пятисотлетие Зырянского края» [5], приуроченную к юбилею создания Пермской епархии и показывающую, что для него дата крещения коми народа и дата его возникновения совпадают.

Главной формой деятельности Г. С. Лыткина в конце 1870-х – начале 1880-х годов становится работа переводчика. Следуя примеру своего личного идеала, он переводит (работая без оплаты по вечерам) на коми язык с церковнославянского и русского целый ряд библейских, богослужебных и агиографических текстов. Среди них четыре Евангелия, Послания апостолов, Литургия св. Иоанна Златоуста, Чин поминовения усопших, Акафист св. Стефану и др. Все эти произведения предназначались коми народу, но многие переводы до него так и не дошли. Их автор вновь столкнулся с недоверием и церковно-бюрократическим противодействием. С точки зрения обер-прокурора Синода, для коми больше подходили «Начатки православной веры» [6, с. 2]. Георгий Степанович «уступил» перевод этой книжки известной ему учительнице из села Выльгорт под Усть-Сысольском Ф.И. Забоевой (интересно, что именно у неё получил начальное образование К.Ф. Жаков), оставив за собой лишь общую редакцию текста. Поиск путей доведения до представителей коми народа плодов своего труда приводит Г.С. Лыткина к созда-

нию главного концептуального труда жизни, в значительной степени обобщающего основные направления творчества.

Любимым детищем Г.С. Лыткин называет свою книгу «Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык» [6]. Уже сложносоставное название указывает на неоднородный характер текста. Действительно, это не научный труд, не церковный служебник, не сборник фольклора, не словарь, не учебник, но в то же время и первое, и второе, и третье, и четвёртое, и пятое. Характерно, что многие современники не поняли и не приняли лыткинский труд. Причём среди них мы видим не только «мракобесов», препятствующих созданию культуры коми народа, но и людей, вполне просвещённых, в том числе уважаемого П.И. Савваитова [21, с. 300–304], с которым Г.С. Лыткин состоял в переписке и труды которого использовал в своей книге [6, с. 7]. Для понимания причин неприятия «Зырянского края» представителями образованного слоя общества интересно рассмотреть мнение «дилетанта» – Василия Кандинского, впоследствии знаменитого художника. В 1889 году Кандинский, будучи студентом-юристом Московского университета, совершает поездку в Коми край на средства Московского общества естествознания, антропологии и этнографии [18]. В том же году он публикует рецензию на книгу Лыткина [8, с. 166–168]. Рецензия полна упрёков по поводу неоригинальности материалов, использования публикаций других авторов, неправильного использования и истолкования слов. Конечно, В. Кандинский сам не был специалистом в культуре коми, основы его замечаний почерпнуты из трудов других авторов, но самым интересным является принципиальное непонимание назначения и структуры книги.

Представляется, что, укоряя Г.С. Лыткина с тех или иных позиций, его современники (а отчасти и потомки) не разглядели главных достоинств «Зырянского края» как системного построения. В отличие от большинства историков, лингвистов, фольклористов и религиоведов своего времени Георгий Степанович не отдавал предпочтения ни одному из этих направлений. Он не собирался совершать «прорыв» ни в одной из этих наук. Следуя примеру Стефана Пермского, он ставил цель формирования основ обновлённой культуры коми в процессе религиозно-культурного возрождения.

Стремление вернуться к первоистоку подтверждается упреками в «архаизации языка», которую современные учёные объясняют желанием Лыткина избавиться от руссизмов [21, с. 302]. Конечно, Георгий Степанович не был последовательным «архаизатором», но также несомненно, что он стремился восстановить нарушенную связь коми культуры с её корнями, олицетворением которых и выступает Стефан.

Структура «Зырянского края» полностью оправдана целью последовательного восстановления исторического развития культуры, плотью которой и становится вынесенный в название книги «зырянский язык». Книга открывается вполне корректным (даже с точки зрения современной науки) историческим очерком, посвящённым миссии Стефана Пермского и его преемников. Стремясь сблизить «апостола зырян» с народом, Г.С. Лыткин высказывает предположение о его наполовину коми происхождении. Эта легенда даёт возможность провести параллель между Стефаном и Константином Солунским (якобы наполовину славянином). В этом уподоблении Георгий Степанович следует Епифанию Премудрому, который неоднократно сравнивает двух просветителей [12, с. 46–57]. Нахождение в Стефане зырянской крови показывает, что Лыткин вовсе не был таким уж верноподданным Российской империи, подспудно в нём бурлило желание отстоять свою самобытность, противопоставить «мы» и «они». Однако, как и у большинства коми-интеллектуалов, это противопоставление постепенно сглаживалось осознанием культурной общности. Для образованного человека зов крови (рода) оказывался куда менее значим, чем осознание своего места в России, мире, космосе.

Переход от первой части книги (меньшей, монографической) к последующим («диалогическим») построен в виде характеристики пермских («древнезырянских») письменности и текстов. Г.С. Лыткин предстаёт здесь перед читателем как компетентный и вдумчивый семиотик. Одним из главных принципов для него является сопоставление всех наличествующих вариантов письменности. Возникает вопрос: зачем «учебнику русского языка» подобный раздел? Сопоставляя его с индивидуальными экспериментами автора по овладению древней письменностью, следует предположить, что

Г.С. Лыткин не исключал возможности её возрождения в культуре коми. Однако никто из интеллектуалов эту идею не поддержал: все они предпочитали свои модификации имеющихся систем письма. Представление стефановских переводов выявляет ещё один важный принцип «Зырянского края»: выстраивание в виде параллельных текстов. В этой части они представлены двумя-тремя рядами (как корректный исследователь, Г.С. Лыткин считает обязательным показывать разницу между древними переводами с русского и своими), а в последующих частях двумя устойчивыми рядами.

Мало кто из рецензентов обращал внимание на эту особенность организации текста лыткинской книги. Параллельный текст на двух языках создаёт эффект диалога между народами и культурами. Устойчивость (начиная с XIV века) взаимодействия русской и коми культур представляет собой ещё один принцип лыткинской концепции. Первым шагом её осуществления становится представление культуры коми российской элите. Наличие двух вариантов текста делает это логичным и органичным. Выход «Зырянского края» совпадает с пиком увлечения российского образованного общества историей и наследием Стефана Пермского. Не случайно распространению лыткинских текстов способствовали религиозно-романтически настроенные женщины из императорской фамилии. Георгий Степанович вполне вписывается в неоромантическую эпоху с её установками на межкультурное формирование социокультурной системы. Он вполне логично полагал, что новая коми культура возникнет в пространстве взаимодействия и взаимообогащения русской и коми культур.

Вторая часть «Зырянского края» чётко разделяется на «историческую» и «филологическую», последняя в свою очередь делится на «фольклорную» и «языковую» (грамматически-словарную). Историческая часть мифологически ограничивается религиозным «первоначалом», очерчивая период существования первой Пермской епархии. Во второй части особенно интересны попытки построения троичного русско-вотско-зырянского словаря. Включение в него слов вотяков (удмуртов) свидетельствует о стремлении автора ввести в орбиту своего влияния другие финно-угорские народы России.

Жизнь и творчество Г.С. Лыткина могут быть рассмотрены в разных проекциях современной науки. Его называют «основоположником национальной научной школы» [21, с. 295] и «отцом коми языковедческой науки» [13, с. 293]. В то же время вряд ли стоит оценивать его деятельность исходя из требований позитивистской науки. По основному направлению своей деятельности Георгий Степанович был не «учёным», а «просветителем». Творческие озарения сделали его основателем коми интеллектуальной культуры, которая проявилась уже при его жизни. В отличие от своих ближайших последователей (К.Ф. Жаков, П.А. Сорокин, В.П. Налимов, А.С. Сидоров), он сумел построить органический исторический ряд, ведущий от начального момента истории до культурной актуальности сегодняшнего дня. Если деятели времён модерна и революционного авангарда пытались представить культуру коми полужыческой или прогрессистской, то Георгий Степанович твёрдо отстаивал её христианскую основу. Религиозный контекст его творчества соответствует не только времени жизни Г.С. Лыткина, но и культурной сущности коми народа. В характерном парадоксальном (в свете сегодняшнего дня) плане Георгий Степанович становится до- постмодернистом коми культуры. Именно он обозначает её историко-мифологическое первоначало, к которому она будет возвращаться при любых раскладах. Именно он выявляет христианский характер этой культуры, при котором «народная религия» оказывается лишь нижним пластом.

Непонимание, с которым сталкивается Г.С. Лыткин при жизни (и которое продолжает преследовать его на протяжении большей части XX века), связано с особым характером избранной им формы служения своему народу. Георгию Степановичу были чужды честолюбивые устремления учёных его времени, стремившихся непременно утвердить собственный взгляд, концепцию, разработку. Он охотно пользовался любыми разработками и находками, встраивая их в свою систему (но не пытаясь присвоить авторство себе). Он с удовольствием отмечает любых талантливых людей, чьё творчество идёт на пользу культуре коми. Характерно, например, упоминание им в предисловии к своей книге безвестного священнослужителя П.В. Роспутина, который задолго до самого Лыткина

удачно переводил с русского на коми стихи псалмов [6, с. VII]. Талантливо обобщая труды своих предшественников, Георгий Степанович не претендует на славу, обозначая даже готовность отказаться от авторства переводов, как только в них будут исправлены все ошибки [6, с. VIII]. Одной из основных заслуг основоположника «зырянской интеллектуальности» является то, что он, не пытаясь превозносить свои заслуги, приготавливал почву для последователей, становясь связующим звеном между прошлым и будущим коми культуры.

1. Астраханские губернские ведомости (неофициальная часть). 1860. № 19, 26, 33, 39, 44, 47, 49, 51–53.
2. В дебрях Севера. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999.
3. Ванеев А.Е. Коми-зырянское просветительство. Сыктывкар: Эскөм, 2001.
4. Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996.
5. Журнал Министерства народного просвещения. 1886, декабрь.
6. Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык / сост. Г.С. Лыткин. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1889.
7. Зырянское слово на восшествие на престол Александра Николаевича: Студент 1-го курса историко-филологического факультета, разряда восточной словесности Георгий Лыткин. СПб., 1855.
8. Кандинский В. Рецензия на книгу Г.С. Лыткина (преподаватель Санкт-Петербургской Шестой гимназии) «Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык, пособие по изучению зырянами русского языка. СПб., 1889 // Этнографическое обозрение. 1889.
9. Котылев А.Ю. Зырянский Фауст. Личностный аспект развития этнокультур в России к. XIX – нач. XX вв. // Семиозис и культура. Сыктывкар: КГПИ, 2005.
10. Котылев А.Ю. Основоположники коми литературы в советской культурной традиции (И.А. Куратов, К.Ф. Жаков, В.А. Савин) // Вестник Удмуртского университета. 2005. № 12. Искусство и дизайн.
11. Котылев А.Ю. Титаны переходной эпохи: сравнительно-культурологический анализ автобиографий К. Ф. Жакова и П. А. Соро-

кина // Историческое произведение как феномен культуры. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005.

12. Котылев А.Ю. Учение и образ Стефана Пермского в культуре Руси / России XIV–XXI веков. Сыктывкар: Коми пединститут, 2012.

13. Лыткин В.И. Георгий Степанович Лыткин (1835–1907) // Советское финно-угроведение. 1975. № 4.

14. Лыткин Г.С. Материалы для истории ойратов. Астрахань, 1860.

15. Морозов Б.Н., Симонов Р.А. Об открытии цифровой системы Стефана Пермского // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. № 1.

16. Пантелеев Л.Ф. Памяти Н.Г. Чернышевского // Голос минувшего. 1915. № 1.

17. Подоров В.М. Очерки по истории Коми края. Сыктывкар: Изд-во и тип. Комигиза, 1933. Т. 2.

18. Путешествие В. Кандинского к зырянам в 1889 г. / автор-составитель И.Н. Котылева. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2013.

19. РНБ. Ф. 664. Ед. хр. 336. Л. 12.

20. Сказание о дербен-ойратах, составленное нойоном Батур Убуша-Тюменем / перевод и предисловие Ю. Лыткина. Астрахань 1860.

21. Терюков А.И. История этнографического изучения народов коми. СПб.: МАЭ РАН, 2011.

Е. М. Кузюрина

**Польский плакат как выражение политической эстетики
(на примере плакатов Народной Польши 1945–1954 гг.)**

УДК 008:7.01

В статье ставится задача проанализировать плакат Польской Народной Республики (1945–1954 гг.) как образец политической эстетики. Значительное внимание уделено детальному анализу плакатов. Представлена попытка определить время написания